

античной цивилизации, которые она сохранила и распространила по всей Европе с помощью своих учреждений и особенно с помощью монастырей. Наконец, развитие ремесла и торговли в крупном поместье, при всей ограниченности поля их деятельности, подготовило почву для второго, по выражению Энгельса, великого общественного разделения труда — для отделения ремесла от сельского хозяйства и возрождения в XI—XII вв. городов как торгово-промышленных и культурных центров.

#### § 4

*Исчезновение школ и всеобщая неграмотность в VI—VII вв. Отношение церкви к светской образованности. Григорий Турский и папа Григорий «Великий». «Этимологи» Исидора Севильского. Бѣда. Житийная литература и господство грубых суеверий. «Каролингский Ренессанс» в литературе и школьном образовании. Заботы Карла Великого о просвещении. Алкуин и его ученики. Дворцовая школа. Характер преподавания, учебники. Церковная реакция против светского образования при преемниках Карла Великого. Музыка раннего средневековья. Григорианский хорал.*

Духовная культура в варварском государстве также начинает очень медленно развиваться. Уже в последние века Римской империи обнаруживается упадок школ и, в связи с этим, исчезновение простой грамотности. В конце V в. Цезарий, епископ Арльский, отмечает, что в Провансе, на юге Галлии, даже крупные купцы не умеют читать и писать. После варварских завоеваний положение еще более ухудшилось. Варварская знать относилась к образованию с презрением. Когда внука остготского короля Теодориха начали обучать грамоте, то готская аристократия воспротивилась этому. «Дело гота, — заявили ее представители, — владеть не пером, а мечом». Короли варваров даже не умели подписать своего имени. Образование становится монополией духовенства, которое по самому роду своей деятельности не могло обходиться без грамоты. Недаром слово клирик, т. е. духовное лицо, в средние века было синонимом грамотного человека, хотя бы он был фактически мирянином. Однако и среди духовенства, особенно низшего, грамотность, не говоря уже о более высокой образованности, становится все более редким явлением. Изучение «семи свободных искусств» исчезает почти повсеместно. Григорий Турский, потомок галло-римских сенаторов, жаловался в VI в. на «гибель наук» и невозможность отыскать во всей Галлии учителей «тривия» и «квадривия». Сам Григорий в своей «Церковной истории франков» обнаруживает слабое знакомство с литературным языком и упрекает самого себя в незнании грамматики. «Невежда и глупец, — пишет он о себе, — ты не умеешь различать роды и каждый раз употребляешь женский вместо мужского, и наоборот; ты неправильно употребляешь предлоги и смешиваешь винительный падеж с творительным».

Иначе и не могло быть, поскольку высшие руководители церкви в VI—VII вв. всю свою энергию направляли на искоренение остатков светской языческой образованности. Папа Григорий «Великий» занимался уничтожением языческих памятников, сжег императорскую библиотеку в Риме, запрещал чтение языческих поэтов и осыпал горькими упреками одного епископа, который осмелился кого-то обучать грамматике. «Известие об этом поступке, — писал он этому епископу, — произвело на нас очень тяжелое впечатление. Если вы докажете, что не занимаетесь вздорными светскими науками, то мы будем прославлять господа нашего». Через полтора года после этого «апостол Германии» Бонифаций донес папе Захарию, что Зальцбургский епископ, следуя Мартиану Капелле и древним авторам, учит о существовании антиподов, т. е. о шарообразности земли.

Ответ папы гласил: «Что касается извращенного и порочного учения, которое он излагает вопреки богу и в ущерб собственной душе, то... ты можешь созвать совет, лишить его священства и изгнать из церкви».

Правда, среди высшего духовенства было небольшое количество образованных людей, писавших книги и ученые трактаты, но «ученость» эта была не слишком высокого качества. Вот один из образчиков книжной мудрости того времени — «Этимологии» Исидора, епископа севильского. «Этимологии» представляют своего рода энциклопедию знаний по ботанике, зоологии, минералогии, медицине и т. п. Хотя автор, помимо библии, использовал кое-какие сведения, почерпнутые из чтения античных писателей, но и в этом произведении находим множество нелепостей, которые в течение столетий принимались всерьез. Здесь читатель мог узнать, что названия всем животным впервые дал Адам на еврейском языке; что пчелы зарождаются в трупах быков, осы — в трупах ослов и т. д.; что камни обладают различными чудодейственными свойствами; что числа делятся на четные и нечетные, совершенные и избыточные. Дальше указаний подобного рода Исидор не идет. А между тем высшее духовенство Испании; к которому он принадлежал, являлось еще наиболее просвещенным. С испанским духовенством по образованности могли сравниться только ирландские и англо-саксонские монахи, знакомые с некоторыми произведениями античной литературы и продолжавшие кое-где преподавать «семь свободных искусств». Наиболее известным из них был Бэда «Достопочтенный», автор «Церковной истории Англии», учебника всемирной истории, трактата о «Счислении», т. е. о вычислении времени празднования пасхи и счете на пальцах, и ряда других работ.

Однако даже и эти слабые проблески научной деятельности в Европе VII—VIII вв. представляли единичные и случайные явления. Обществу того времени в большинстве случаев приходилось довольствоваться еще более грубой духовной пищей — житиями святых. Здесь сообщалось, что такой-то святой вешал свой плащ на луч солнца; что другой святой воскресил рыбу, уже изжаренную на вертеле; что третий мог писать ночью без огня, так как его пальцы источали свет, и т. п. Особенно много таких басен и самых нелепых рассказов о чудесах пустил в ход своими произведениями папа Григорий «Великий». «Житийная» литература постепенно выросла до огромных размеров, подавляя другие виды литературного творчества. Количество житий, созданных средними веками, исчисляется многими десятками тысяч. Успех житийной литературы был обусловлен между прочим тем, что церковь усердно насаждала культ «святых», рассчитывая таким путем вытеснить упорно державшееся в массах почитание языческих божеств. «Святым» были приписаны функции этих божеств, причем каждый «святой» или «святая» получили особую специальность: одни охраняли человека от тех или иных болезней, другие — от напастей и бед (от пожара, града, гусениц, крыс и мышей), третьи были покровителями скота, четвертые — отдельных профессий и занятий. Некоторые «святые» совмещали две и более функций. Например, Мартин Турский исцелял от оспы, экземы и от пьянства, св. Власий — от болезни горла, от нападения диких зверей и, сверх того, был покровителем шерсточесов. На этой почве рождались самые дикие суеверия: пыль, соскобленная на могиле святого, служила лекарством от болезней; грязная вода, в которой он будто бы мыл руки, служила примочкой для глаз и пр.

Грубому характеру христианского культа соответствовала и крайняя грубость нравов духовенства и мирян. Мы уже видели, что моральный уровень самого духовенства был очень низок и что жизнь епископов являлась далеко не назидательным примером для паствы. Неудивительно, что клирики, как правило, не пользовались уважением; с ними считались лишь постольку, поскольку они совершали магические действия (креще-

ние, причащение и т. д.), без которых душе угрожала опасность мучиться после смерти в аду. Церковь пользовалась правом давать в своей ограде убежище преступникам и вообще преследуемым, но это убежище сплошь да рядом нарушалось: преследуемых нередко убивали в самом храме или выманивали оттуда голодом. Незнатных людей церковь просто выдавала преследователям или, в лучшем случае, обращала в своих крепостных. Церковь иногда высказывала неодобрение тому или иному преступлению, но легко прощала знатному преступнику самые чудовищные злодеяния. Таким образом, вопреки утверждениям буржуазных историков, влияние церкви и христианской морали лишь в очень ничтожной мере способствовало смягчению нравов. «История франков» Григория Турского и другие источники меровингского времени рисуют картину настоящего одичания, особенно на верхах: предательство, обман, клятвопреступление, издевательство над слабым, убийства из-за угла, совершаемые как обыденное и пустяковое дело, господство низменных, ничем не сдерживаемых страстей, — таковы черты, характеризующие жизнь меровингской знати.

Каролингская эпоха и в этом отношении свидетельствует о некотором прогрессе. Преступления не то чтобы уменьшились, но приобрели, если можно так выразиться, более целесообразный характер. Грубая алчность в качестве мотива убийств во многих случаях уступает место определенному политическому расчету. Людовик «Благочестивый» приказывает выколоть глаза своему племяннику, королю Италии, от чего тот умер, но делает он это не для того, чтобы завладеть имуществом своей жертвы, подобно меровингским королям, а чтобы предупредить отложение Италии. Нравы общества мало улучшились, но оно в меньшей степени дает волю грубым инстинктам. Дурные поступки совершаются обычно втихомолку, чтобы не вызвать всеобщего осуждения. При дворе Карла Великого царит распущенность нравов, сам король непрерывно меняет своих жен, а его дочери — любовников; но это уже не меровингский двор, где все делалось открыто, и внешне соблюдаются известные приличия.

Каролингская аристократия уже не считает позором обучать своих детей грамоте. Из ее среды выходят люди, которым не чужды и духовные интересы. В придворных кругах становится модным читать и изучать античных писателей. Некоторые даже пробуют свои силы в литературе, пишут прозой и стихами. Таков Эйнгард, приближенный Карла Великого, написавший биографию последнего. Образцом для него послужила биография императора Августа, принадлежащая римскому писателю Светонию. Отсюда Эйнгард заимствовал не только план своей работы,



Принцессы Каролингского дома в позе учениц. Миниатюра из библии Карла Лысого, внука Карла Великого

но и целые выражения. До нас дошло также много стихотворных произведений, написанных придворными Карла в подражание латинским поэтам. Поэтическими достоинствами эти произведения не блещут, но они обнаруживают хорошее знакомство с древними авторами и успехи в овладении стихотворной формой.

Сам Карл был почти неграмотен. Эйнгард рассказывает, какие усилия делал уже на старости лет император, чтобы научиться писать. Гра-

мота давалась ему плохо; на ночь он клал под подушку таблички, покрытые воском, и когда его одолевала бессонница, вытаскивал их и принимался выводить латинские буквы.

Заботы Карла Великого о просвещении выходили далеко за пределы придворного круга. Его обширные завоевания, включившие в сферу феодальной эксплуатации ряд новых варварских стран, необычайно усложнили задачи государственного управления. Для развернутой им организационной, законодательной и строительной деятельности были необходимы образованные и просто грамотные люди. Согласно понятиям того времени, таких людей легче всего было подготовить из среды духовенства. Поэтому на повышение грамотности духовенства было обращено особое внимание. Уже в одном из первых своих капитуляриев (законов) 769 г. Карл Великий предписывает отстранять от церковнослужения неграмотных священников до тех пор, пока они не получат необходимого образования. Затем в письмах к отдельным епископам он настойчиво требует ликвидации неграмотности духовенства. В 787 г. он рассылает епископам и монастырям циркуляр, в котором указывает, что «епископства и монастыри... кроме добропорядочной жизни и отправления обрядов святой религии, должны приложить заботы к занятию науками и к тому, чтобы научить грамоте тех, кто способен к этому, сообразно дарованиям каждого».

В этом последнем требовании неправильно видели попытку ввести всеобщее образование. Подобных целей Карл, как реальный политик, даже и не мог пред собой ставить. Правда, при монастырях появляются тогда школы, в которых обучают детей мирян, предназначенных себя не только для духовной, но и для светской карьеры. Так, на плане Сен-галленского монастыря мы видим две школы: в одной воспитывались дети, отданные своими родителями навсегда в монастырь с целью подготовить из них церковнослужителей, другая, «внешняя», школа, хотя и расположенная в монастырских стенах, была предназначена для сторонних, приходящих учеников, которые по окончании школы оставались в миру. Но таких школ было очень мало, и они могли обслужить лишь самую ничтожную часть свободного населения, не говоря уже о миллионах крепостного крестьянства.

Как ни ограничены были задачи, поставленные Карлом Великим в области просвещения, однако и для их решения необходимы были значительные усилия. Чтобы обеспечить школы учителями и учебниками, Карлу приходилось выписывать из Италии, Испании, Британии и Ирландии «грамматиков», «риторов», привлекать к своему двору отдельных представителей тогдашней науки, которые щедро обеспечивались бенефициями, доходами аббатств и епископских кафедр, наконец, организовать при своем дворе «образцовую» школу, где обучались дети землевладельческой знати и где достоинства учителей и учебников проверялись, так сказать, на глазах императора.

Ближайшим помощником Карла Великого по делам просвещения был англо-сакс Алкуин, долгое время руководивший придворной школой и образованием самого императора и его детей. Его главными произведениями являются многочисленные письма, а также учебники по наукам «тривия» и «квадрия». Учебники Алкуина дают вообще представление о характере произведений этого рода в каролингскую эпоху. Они составлены в форме диалога между учителем и учеником, причем все построено на чисто словесных определениях различных понятий. Обычно они сообщают чрезвычайно мало конкретных сведений, скорее всего напоминая шутливую игру в загадки и отгадки, как это видно из нижеследующего примера.

*Ученик (Пипин, сын Карла V.):* Что такое буква?

*Учитель (Алкуин):* Страж истории.

Ученик: Что такое слово?

Учитель: Предатель души.

Кто рождает слово? — Язык. — Что такое язык? — Бич воздуха. — Что такое воздух? — Охрана жизни. — Что такое жизнь? — Для счастливых радость, для несчастных печаль, ожидание смерти. — Что такое смерть? — Неизбежный исход, неизвестная дорога, плач для остающихся в живых, закрепление завещаний, разбойник для человека. — Что такое человек? — Раб старости, гость места, проходящий путник. — Как помещен человек? — Как лампада на ветру... — Что такое год? — Колесница мира. — Кто везет ее? — Ночь и день, холод и жар. — Кто ее возница? — Солнце и луна.

Другим характерным примером является учебник арифметики, носящий название «Для изощрения юношей». Здесь, наряду с геометрическими задачами (найти площадь треугольника и четырехугольника, причем решение дается грубо приближенное), предлагаются задачи вроде следующей: «Один человек имел стадо в 100 свиней; он хотел их зарезать в течение трех дней с тем, чтобы резать одинаковое число голов в день. Сколько должно быть зарезано свиней в один день?» Далее в учебнике указывается, что эту задачу нельзя решить. Задачи, требующие применения дробей, решаются большей частью неправильно. Некоторые задачи представляют просто шуточные загадки.

Система преподавания была чисто словесной. От ученика требовалось большое напряжение памяти, заучивание наизусть десятков псалмов, после чего он сам должен был найти соответствие между затверженными звуками и буквами. Так как слова писались тогда с большими сокращениями, обучение чтению шло с огромным трудом и сопровождалось нещадным битьем учеников. Розги были необходимой принадлежностью учителя и важнейшим орудием обучения. Понятие «учиться» выражали тогда, как и в течение всего средневековья, словами «ходить под розгою». Монах Гвиберт Ножанский, писатель XII в., рассказывает в своей автобиографии, как он однажды пришел от своего учителя весь исполосованный и в синяках, так что его мать чуть было не отказалась от намерения сделать его клириком. Иногда ученики теряли терпение и протестовали; на этой почве происходили такие явления, как поджог школы Сен-галленского монастыря учениками. Но обычно этот метод преподавания имел результатом то, что дети «благородных» дальше чтения не шли; учебу до конца выдерживали немногие и в особенности дети незнатных или крепостных, изредка попадавшие в школу. Вот почему в рядах известных церковных писателей и деятелей средневековья немало людей незнатного происхождения. Церковь, оставаясь глубоко феодальной, вынуждена была открывать путь к ученой карьере и высоким духовным званиям отдельным наиболее талантливым выходцам из низов, так как замещение всех руководящих постов одними безграмотными феодалами угрожало ее собственному существованию.

После чтения и письма начиналось обучение грамматике и другим наукам «тривия» и «квадривия». Это обучение длилось 12—13 лет. И здесь все было основано на заучивании многочисленных текстов. Недаром произведения средневековых писателей прямо испещрены цитатами. Их память буквально обременена затверженными еще в школе текстами из «священного писания», «отцов церкви» и других «авторитетов», и эти писатели уже не в состоянии выразить свою мысль без помощи готовых цитат. В работах известного церковного писателя Рабана Мавра, ученика Алкуина, цитаты составляют до девяти десятых всего текста.

Карл Великий принимал также меры к развитию франкского языка, к составлению его грамматики. К его времени язык, на котором говорили массы в Южной и Средней Галлии, развившийся из латинского,

обособляется как отдельный романский язык, в то время как в восточной части его Империи, особенно за Рейном, преобладали германские языки. Латынь остается языком школы, литературы, церкви, но уже непонятна народной массе. Недаром церковный собор в Туре в 813 г. признал необходимым перевести богослужебные песни на романский язык. Когда в 842 г. правитель «западных франков» (т. е. нынешней Франции) Карл Лысый и его брат, правитель «восточных франков» (т. е. нынешней Германии), Людовик Немецкий обмениваются в г. Страсбурге клятвой о союзе, то каждый из них произносит эту клятву на языке союзника: один на германском, другой на романском. Таким образом, при Каролингах намечается обособление национальностей, развивающихся из смешения племен в Западной Европе. Это также факт большого культурного значения.

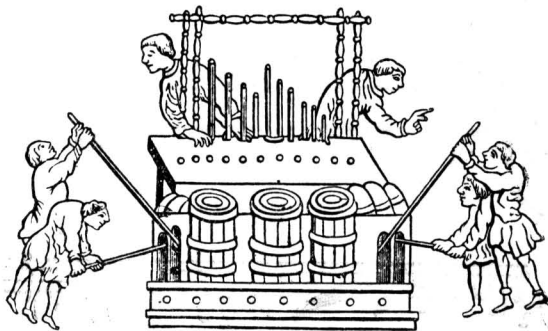


Кротта. IX в.

После смерти Карла Великого политическая обстановка в Франкской монархии ухудшилась. Началась борьба между Людовиком «Благочестивым» и его сыновьями, затем этих последних между собою. В этой борьбе аристократия принимала самое активное участие. Бесконечные войны, сопровождавшие процесс дальнейшего феодального дробления франкского государства, разорительные набеги норманнов, венгров и сарацин — все это тяжело отразилось на материальном положении трудящихся масс. Интересы культуры всюду отступают на последний план. Реакционные церковники ликвидируют те элементы светской образованности, которые при Карле Великом получили, было, известное развитие. «Внешние» школы при монастырях закрываются. Уровень грамотности снова резко снижается не только в светском обществе, но и среди духовенства. В конце IX и X вв. заметно и в литературе и в искусстве значительное оскудение.

От раннего средневековья не сохранилось памятников светской музыки, если не считать двух-трех произведений. Нотное письмо, музыкальная теория, музыкальное образование ограничивались кругом церковной музыки. Народные произведения не считались достойными записи, монополистами нотного письма были монахи.

От древнего Рима и древней Греции средневековье унаследовало отдельные инструменты, например, витые римские трубы и сигнальные рога. Но уже в раннем средневековье были распространены инструменты, не известные античности. К их числу принадлежат смычковые струнные инструменты. В начале VII в. упоминается едва ли не старейший смычковый инструмент Европы — так называемая кротта, на которой любили играть жители Камбрия (Уэльса в Англии). Средневековые смычковые инструменты имели множество разновидностей и у разных народов носили разные названия (германская фидель, или фидула, итальянская виола и пр.). Развивались они под несомненным восточным влиянием. Главными передатчиками восточных влияний в Европу были арабы. Возможно, что арфа, считав-



Церковный орган. X в.

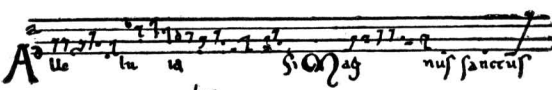
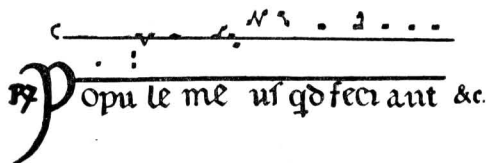
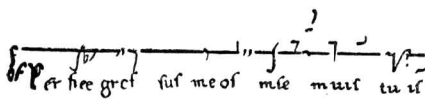
шаяся исконным инструментом Севера, была завезена сирийскими купцами из Западной Азии. Азиатского происхождения и духовой инструмент—волынка. Арфа была излюбленным инструментом англо-саксонских бардов и скандинавских скальдов — певцов, исполнявших при княжеских дворах под ее аккомпанемент свои эпико-героические песни. Во время пиров арфа обходила всех присутствующих; каждый считал своей обязанностью исполнить под ее аккомпанемент какую-нибудь импровизацию. Заимодавец имел право отнять у должника все, кроме арфы.

Некоторые из указанных инструментов позволяли одновременно извлекать несколько звуков. Такова волынка, на одной из трубок которой играли мелодию, в то время как прочие трубки издавали непрерывно один и тот же тон. На струнном инструменте, называемом «органистром», в качестве постоянного аккомпанемента звучали две струны. Таким образом, многоголосие, постепенно проникшее в церковную музыку, имеет корни в музыке народной.

В церковной музыке раннего средневековья были сильны влияния эллинизированного Востока. Уже издавна в христианских общинах установилось так называемое антифонное пение псалмов (*anti*, «против», *rhone*, «голос»), при котором два хора, один против другого, поочередно сменяли друг друга. Такое антифонное пение было перенято христианами у евреев. Хоры пели в унисон монотонную мелодию с незначительными повышениями и понижениями, несколько затягивая длинные слоги. Наряду с пением псалмов на Западе все шире распространялось исполнение гимнов и славословий, т. е. песнопений, не основанных на тексте библии и являющихся продуктом самостоятельного творчества. Многие из гимнов, как выяснено в настоящее время, восточного происхождения. Восточные влияния можно проследить и позднее. Органы, которые в X в. существовали уже во всех монастырях и храмах Запада, ведут также свое начало от восточных (византийских) образцов. Сохранилось известие, что в 756 г. византийцы принесли в дар франкскому королю Пипину орган.

В IV—VII вв. в гимны проникали элементы народной музыки, пение гимнов с особенною любовью культивировалось в еретических общинах. Церковь делала ряд попыток направить гимнотворчество по желательному для нее руслу. Все более назревала необходимость произвести отбор гимнов, своего рода кодификацию их. Наиболее крупной попыткой в этом направлении была реформа, произведенная в VI в.; ее связывают с именем папы Григория I. Составленный сборник был прикреплен золотой цепью к алтарю базилики св. Петра в Риме. Это должно было означать, что сборник составлен навеки и для всех общин. В состав сборника попали отдельные греко-римские светские мелодии, мелодии «языческого» происхождения. Учрежденная во второй половине VI в. в Риме певческая школа готовила певцов, которым предстояло затем распространять эти напевы по всей Европе.

На пути распространения григорианского пения выросли подчас непреодолимые преграды. Милан упорно держался старинного «амвросианского пения», и, в конце концов, пришлось официально разрешить ему сохранение старой традиции. Гер-



Изменение нотной записи в средние века

манцы стремились по-своему переделать григорианские напевы. На Пиренейском полуострове литургия долгое время сохраняла элементы готской музыки и последующих арабских влияний—римская литургия была там введена лишь в XI в.

Григорианские гимны написаны для исполнения хором в унисон. Поэтому они получили название хоралов. Пение в унисон и диатонизм придают григорианским хоралам сурово-величавый характер. Ритм их, видимо, был первоначально живой и гибкий. Лишь постепенно он окостенел и превратился в пение нотами одинаковой длительности, т. н. *cantus planus* (ровное пение).

